
[Origin: Сайт "Ярослав Гашек - лучшие рассказы" www.gashek.dem.ru](http://www.gashek.dem.ru)

РАЗГОВОР С ГОРЖИЦКИМ ГРАДОНАЧАЛЬНИКОМ

Боюсь, как бы горжицкий градоначальник на меня не прогневался. Но что поделаешь! Напиши я, что дело было в Колине, Кутной горе или Чешских Будейовицах, обиделись бы тамошние градоначальники. По всей Чехии и Моравии градоначальники, за малым исключением, похожи друг на друга, как родные братья, разве что у одного брюшко побольше, а у другого поменьше. Итак, займемся сегодня горжицким градоначальником.

Горжицкий градоначальник вызвал к себе редактора местной газеты. Накануне вечером он небрежно сказал своему чиновнику:

- Завтра в десять утра доставьте мне этого редактора.

Ночью полицейские вытащили редактора из теплой постели и отвели в участок. В десять часов утра его препроводили в кабинет градоначальника. Перепуганный редактор был без воротничка (ночью ему не дали много времени на сборы) и придерживал брюки, так как подтяжки у него отобрали, чтобы он не повесился. У него был вид человека, сорвавшегося с виселицы.

Градоначальник стоял перед ним, как воплощенное могущество, и с высоты своего величия грозно взирал на ничтожного червяка-редактора.

"Мой бог,- подумал редактор, косясь на огромный живот градоначальника, затянутый в форменное сукно с блестящими пуговицами,- если он с разбегу притиснет меня к стене, я буду раздавлен, как букашка".

А градоначальник все еще сверлил глазами редактора, понимавшего, что этот взгляд означает: "Ты в моей власти, червяк, прихлопну - и нет тебя".

Это была борьба двух миров. Борьба государственности с ничтожеством. Борьба слона и козявки... Козявка - вот оно, то нужное слово, которое искал градоначальник.

- Вы - козявка, господин редактор! Что вы там написали в последнем номере своей газеты под рубрикой "Советы и указания заботливым хозяевам"? Чего стоит вот этот ваш перечень лучших сортов фруктовых деревьев? Из яблонь вы рекомендуете зимний золотой пармен и пишете, что во Франции он называется рен-де-ренет. Потом рекламируете бель-де-бо-скоп и фонданте-де-буа - "лесную красавицу". Потом американскую грушу айдахо и английскую уайлдер-эрли. Это же государственная измена! А почему вы рекомендуете французскую сливу? Нам все известно, господин редактор! Вы рекламируете также зеленый ренклад "Вашингтон" американского происхождения. Характерно, что вы умалчиваете об австрийских сортах. Почему вы не пишете, как хороши тирольские ренеты? А потому, что про себя вы думаете: "Да провались они совсем - эти тирольцы". Ибо это народ, который готов жертвовать жизнью за нашего все милостивейшего монарха. Почему вы не рекомендуете кассельский ренет? Потому что знаете, что Кассель - немецкий город, а вы хотите поражения нашим немецким союзникам. Поэтому-то вы игнорируете и гравенштейнскую яблоню, ибо девиз

гравенштейнских гусаров гласит: "За бога, кайзера и отечество!". Разумеется, вам не нравится слива графа Альтана,- ведь граф Альтан был австрийским генералом, а у вас одно на уме: черт бы побрал всех австрийских генералов, вместе взятых. Поэтому, повторяю, вы рекомендуете французские и американские сливы, английские груши и яблоки и хотите, чтобы ваши читатели только и думали: "Когда же, наконец, Франция, Америка и Англия намнут бока Германии и Австрии!".

Прочтите внимательно свою статью "Какие почвы хороши для отдельных разновидностей ячменя?". Вы пишете, что в Чехии лучше всего возделывать французский сорт, так называемый "шевалье". Стало быть, Чехия и Франция! Отлично! Понимаем, в чем тут дело, да и всякий поймет. В статейке "Любители цветов" вы толкуете о красных, синих и белых пеларгониях, то есть о запрещенных славянских цветах. А что означает ваша заметка "Чилийская селитра - лучшее удобрение для картофеля"? Уж не хотите ли вы лишить нашу империю важнейшей составной части пороха? "...При посадке картофеля на тощих почвах селитру можно засыпать прямо в ямки..." Мы вам посадим! Мы вас проучим, молодой человек! А это что за фраза: "...подмороженные фрукты надо быстро использовать, так как они легко загнивают и покрываются плесенью..." Мы отлично понимаем, кого вы разумеете под гнилым фруктом. Вы подрываете основы, милостивый государь! О том, как действуют ваши статейки, свидетельствует вот это письмо полицейского вахмистра из Воданца:

"Осмелюсь обратить внимание на статью "Пользование квасцами" в "Горжицких новостях". Там написано: "...Иногда на крыжовнике и смородине появляется множество маленьких гусениц, которые в несколько дней могут уничтожить все листья и плоды". В нынешние трудные времена подобная фраза может возбудить панику в нашем садоводческом крае, и я полагаю, что они преследуют определенные политические цели. В этом же номере есть заметка "Как откипятить пожелтевшее белье", а сразу под ней "Коротко о производстве чернил". Сочетание этих двух цветов каждому бросается в глаза и явно имеет целью выставить в смешном виде черно-желтое знамя империи.

Вообще ваша газета лишена всякого патриотизма и лояльности, В заметке "Мокрая обувь" есть фраза: "Сняв мокрую обувь, лучше всего наполнить ее сухим овсом". Позволю себе указать, что это - прямое подстрекательство к уклонению от реквизиции овса..." Вот каковы дела, милейший! Сами видите, куда вы катитесь.

Градоначальник умолк и уставился на козьяку-редактора. Это была страшная минута, когда слон мог раздавить несчастного пигмея. Но слон переступил через него.

Градоначальник открыл ящик стола и, вынув оттуда пачку листов, торжественно вручил ее редактору.

- Верноподданнические и лояльные чувства должны воодушевлять каждую вашу статью. Я составил здесь несколько хозяйственных советов и указаний, вполне созвучных моменту. Они должны появиться в следующем номере. Можете идти.

Дома смятенный редактор развернул статьи и прочел:

"Дешевый предсказатель погоды. Повесьте на стену открытку с портретом всемилостивейшего монарха. Вбейте ему в голову гвоздик. На гвоздике укрепите короткую нитку, привесьте к свободному концу небольшой пучок цыплячьего или гусяного пуха, окрашенного в черно-желтые цвета. Отметьте черточкой на открытке место, где находится пучок. Если предстоит хорошая погода, пучок поднимется к самому носу его величества императора. Если будет дождь, он спустится ниже, чем был".

"Дешевый воск для прививок к дичку черенков можно приготовить из 50 граммов еловой смолы и 250 граммов говяжьего сала. Смешайте в растопленном виде, прибавьте 26 граммов густого скипидара и помешивайте до тех пор, пока не пропоете дважды наш австрийский гимн".

"Чтобы молоко не скисало летом, положите в него листок дикорастущего хрена и трижды возгласите славу нашему обожаемому монарху".

Прочитав это, редактор взял желтую веревку и повесился на черной печной трубе.

ПО СЛЕДАМ УБИЙЦЫ

После публикации о награде за указание следов убийцы, в полицейском управлении наступил кавардак. Сотни людей, жаждущих получить обещанную тысячу, с утра до ночи штурмовали полицейское управление.

Однако полицей-президиум дал строгое распоряжение тщательно записывать все показания и представить их ему на рассмотрение. На основе этого материала президиум, с помощью дедуктивных методов, сможет установить точные приметы убийцы, после чего все данные будут должным образом сопоставлены, найдена нить и гордиев узел распутан. Так поэтически писал полицейский официоз.

Внушительные комнаты полицейского управления не смогли вместить всех добровольных сыщиков, и начальство уже подумывало о найме дополнительного помещения. Все показания тщательно записывались, и к вечеру начальник полиции получил тук мелкоисписанной бумаги. Из этого материала полицей-президиуму предстояло сделать пронизательные выводы, найти нить, распутать узел (повторяем это прекрасное выражение) и сплести сеть для уловления злодея.

Полицейский комиссар Рейхель принялся читать начальнику полиции важнейшие показания и письма. Это была нелегкая задача, ибо некоторые из них требовали основательного размышления, а иные были попросту непонятны.

- Карл Выгналек, частный служащий, сообщает, - читал полицейский комиссар, - что такие же панталоны оливкового цвета он видел за три дня до убийства на незнакомце, который прикурил у него. Из этого он заключает, что убийца принадлежит к подонкам общества и, наверное, был знаком с убитой, у которой одолжил панталоны. Видимо, при возврате их возникла ссора, которая и кончилась смертью старухи.

Вацлав Хохлатый шлет письмо:

"Уважаемые полицейские начальники! Убитую знал один мой старый товарищ по фронту. Мы служили вместе в 11-м полку, и, помнится, наш батальон был переброшен в Ровицы. Там кругом горы да скалы. На горах пасется скот, главным образом, коровы, господин начальник. Мой приятель, что знал убитую, служил уже третий год и имел нашивки сержанта. Он был головорез, каких мало. Мог из-за слова человека убить. Ежели бы он поссорился с убитой, то обязательно бы ее пристукнул. Он всегда говорил, что терпеть не может бабья. Но надо сказать, что он уже два года как умер. Отдал богу душу в кулачной драке..."

Показания добровольного свидетеля, лавочника Гофмауера:

"Убитой не знал. В Карлине бывал дважды. Последний раз в позапрошлом году, когда горела фабрика. Дело было так: в воскресенье, после полудня, я отправится, как всегда, поиграть в картишки. Играю обычно в польский банчок или железку и в жизни ни разу не плутовал. Иду, вдруг под виадуком кричат:

"Горит!" Гляжу - и верно! Пока добежал до фабрики, полыхало так, что мое почтение. Потом пришли" солдаты и оцепили улицу. С тех пор не был в Карлине и об убийстве ничего не знаю".

- За потраченное время просит выдать возмещение пять крон. Я его посадил на всякий случай,-сказал полицейский комиссар и стал читать дальше.

Показания кузнеца Виктора Безвага:

"Видел в полиции орудие преступления - кувалду. Как знаток кузнечного дела могу присягнуть, что кувалда не кузнечная. Таким образом, убийство не бросает никакой тени на кузнечное сословие, ибо ясно, что орудие убийства не принадлежало кузнецу. Заодно просим ускорить ответ на ходатайство о разрешении открыть вечернюю школу для кузнецов. Было подано уже десять лет назад и до сих пор не рассмотрено из-за обилия неотложных дел".

- Вот показания бакалейного приказчика из Карлина. Он заявил, что Карлии такое местечко, где всякое злодейство в почете. Я велел его посадить за такие слова. Важные сведения, - продолжал чиновник, - получены от вдовы Крафт. Она убеждена, что не следует искать убийцу-мужчину. Скорее всего убийство совершено особой женского пола. Несчастливая любовь, наверное, привела ее к решению найти смерть на виселице. Кроме того, вдова сообщает: "Не имею прямых улик, но весьма подозрительна наша соседка Анна Чехова. Она развела такую грязь в раковине, что явно на все способна. А в последнее время что-то присмирела и в день убийства вернула мне десять крон долга, хотя еще с утра ругалась непотребными словами. Кстати, эта сумма сходится с указаниями публикации".

- Анну Чехову я взял под стражу.

- Правильно! - сказал начальник полиции, хватаясь за голову.- Читайте дальше.

- Вот здесь протокол, составленный по настоянию Мирослава Гоффрихтера. Он явился со свидетелями, которые подтвердили его алиби. После этого он потребовал тысячу крон, ибо навел полицию на то правильное заключение, что убил старуху во всяком случае не он... Далее показания свидетеля Матоушека. Он высказывает предположение, что несчастная сама покончила с жизнью.

- Гм, это весьма возможно,- пробормотал начальник полиции, рассеянно прохаживаясь по комнате.

- Дальше письмо церковного старосты церкви- св. Кри-стофа. Просит выслать тысячу крон, так как имеет веские подозрения на одного своего прихожанина, который уже два месяца не платит церковных сборов.

"Обращаю ваше внимание на подозрительную связь этого дела с последними злодеяниями отравителей,- пишет чиновник Миржихода.- Нужно выяснить, не была ли означенная кувалда куплена в магазине, торгующем ядами, и в каком именно. Нет ли на кувалде следов цианистого калия и не имеется ли в самом железе подозрительных примесей. Все эти обстоятельства нельзя оставлять без внимания. Они, несомненно, приведут на след преступника".

Начальник ударил себя по лбу.

- Этот человек прав! Сразу видно государственного чиновника. Вот с кого надо брать пример! Немедля распорядись сделать химический анализ кувалды. На этом следствие было временно закончено. Все были довольны.

Сделано немало: во-первых, найдены следы нескольких человек, которые убийства не совершали, и нескольких, которые могли его совершить. Кроме того, допрошено несколько предполагаемых скупщиков краденого. Наконец, установлена причинная связь между кувалдой и цианистым калием.

В заключение начальник велел позвонить в Бохницы - узнать, не поймали ли там убийцу.

Ответ пришел моментально.

- Нет.

- Мы его тоже не поймали,- глубокомысленно изрек начальник. А полицейский комиссар порылся и вытацил еще одно письмо.

"Высокопочтимому полицей-президиуму.

Позволяю себе обратить ваше внимание на чернильный карандаш, найденный на месте преступления. Это во-первых. Арестуйте всех, у кого имеются чернильные карандаши. Во-вторых, посадите всех непричастных к убийству, и таким путем преступник будет изолирован и пойман.

Поступайте в этом деле по старинной загадке: "Как проще всего поймать шесть львов? Поймайте десять и четырех выпустите..."

На этом методе полиция и остановилась.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Старый Шима, прослуживший в банкирской конторе Прохазка и К° пятнадцать лет, набрался наконец смелости и постучал в кабинет банкира Прохазки, чтобы попросить с нового года прибавки в двадцать крон.

И вот Шима сидит перед господином Прохазкой, потому что тот, выслушав просьбу, кивнул на стул. Шеф ходит по кабинету, жестикулирует и говорит:

- Я мог бы немедленно выставить вас вон после такой наглой просьбы, но у меня есть с полчаса свободного времени, и я хочу поговорить с вами по душам. Вы хотите, чтобы я увеличил вам жалованье на двадцать крон в месяц, то есть на двести сорок крон в год И вы отваживаетесь просить меня об этом в такое время, когда денег нельзя достать ни под какие проценты, когда над денежным рынком навис дамоклов меч всеобщего краха? Разве вам неизвестно, что акции Альпине-Мон-тан упали с 772 до 759.60, а акции Бедржиховских заводов котируются не по 940, а по 938? Акции Зброевки тоже катятся вниз, дорогой Шима. С 728 они упали до 716.40. Это поистине ужасно, а вы хотите двадцать крон прибавки.

Прохазка всплеснул руками и взволнованно продолжал:

- Ценные бумаги на бирже неустойчивы до последней степени. Даже наиболее надежные из них, акции австрийского кредитного банка, в последние дни упали: в итоге вместо 664.90 они котируются на пять крон ниже, а вы требуете двадцать крон прибавки. На акции транспортных компаний регистрируются только мелкие сделки, акции государственных дорог упали на целых двенадцать крон!

Итальянскому правительству не удалось получить во Франции заем в сто миллионов крон, а вы требуете двадцать крон прибавки! Франция собирается продавать металлургические заводы, идут разговоры о распродаже русского государственного имущества, а вы приходите ко мне и говорите, как будто так и нужно: "Я пятнадцать лет служил вам верой и правдой, господин шеф, и, принимая во внимание финансовые затруднения, всеобщую дороговизну, десять человек детей и дырявые сапоги, осмелюсь попросить о двадцати кронах прибавки ежемесячно".

Несчастный, вы сами не знаете, насколько вы правы. Финансовые затруднения действительно приняли угрожающий характер. Акции Южной дороги понизились на целых пять крон, а у меня их... впрочем, не мне говорить вам об этом, дружище. Не забывайте, что даже на акции Буштеградской железной дороги и то не предвидится солидных дивидендов: курс литеры А Буштеградской дороги уже упал с 2.515 до 2.426, а литеры В - с 1.004 до 976. Да вы,

голубчик, просто спятили, прося прибавки! Ведь это же прямо безумие! Побывайте-ка на пражской бирже! Продается уйма ценностей, а чего они стоят? И спросу никакого. Курсы всех акций катятся вниз! Устойчивых бумаг нет! Акции австрийского кредитного банка, на которые я раньше заключал сделки по 760, теперь котируются по 750.60. Что вы на это скажете, а? Вы все еще хотите прибавки, старина? Вы все еще настаиваете на своей просьбе, несмотря на то, что даже швейцарское правительство не может рассчитывать на заем в два миллиона, необходимый ему до зарезу?

Да, старина! Биржевые бюллетени свидетельствуют о близком крахе, можно с ума сойти от баланса этого года! Румыния, Турция, Болгария, Греция не могут получить ни гроша в кредит, а вы хотите, чтобы я прибавил вам жалованье! Испания, Португалия и Италия нигде не могут разместить займы. Банкирский дом "Франс-Фрер" в Лионе вследствие конфликта в Марокко потерпел сто пятьдесят миллионов франков убытка, а вы как ни в чем не бывало приходите и говорите мне: "Господин шеф, прошу прибавить мне двадцать крон!" Друг мой, а вы знаете, что поговаривают о слиянии Росицких угольных шахт с Бедржиховскими заводами? А вы знаете, что покупка паев рудника "Анна-Мария" приведет к снижению годового оборота на двадцать тысяч крон? Нигде нет никаких возможностей для биржевых спекуляций. Купите-ка себе акции Подольского цементного завода, и вы увидите, как вы возгордитесь. А попробуйте пойти с ними на биржу! Ага, вы качаете головой, не пойдете, мол. Пока еще крепкий курс у акций Колинского завода искусственных удобрений, за них вы заплатите 379, а я покупал их по 382, значит, я теряю по три кроны на каждой. Вы просто удивляете меня, дружище! Сидите, как чурбан! Черт вас возьми - и вместе с акциями сахарных компаний!

Я утверждаю, что у них слабый курс,- вы можете разбиться в лепешку, но не получите за них больше 261.50. Мне их никто не посмеет предложить, как и акции завода доктора Кольбена. Смею вас уверить! Я выгоню вон такого человека! А вы знаете, что Венебергское строительное общество на краю краха, что люблянские выигрышные билеты упали в цене? А вы знаете, что американский миллиардер Браун застрелился? А вы знаете, что финансисты Мюллер, Скабат, Ковнер, Хюбнер покончили с собой, что Рехе, Кине, Мэн, Бюлехар повесились, что Карелт, Моррисон и Коммот и банкир Хаммерл с компаньоном утопились? А вы знаете, что повсюду банкрот на банкроте, что горят угольные шахты на Аляске и в одну из них прыгнул американский угольный король? А вы знаете, что залежи серы на Урале уничтожены землетрясением? А вы знаете, что ольденбургские пятидесятиталеровые паи понизились в цене на пятьдесят процентов, что Зальцбургская железнодорожная и трамвайная компании обанкротились? Вы этого, наверное, не знаете, иначе вы не стали бы просить у меня прибавки в двадцать крон. Банкир Прохазка хлопнул по плечу неподвижно сидящего Шиму, и тот повалился со стула на пол; конечности у бедняги уже похолодели.

От всех этих финансовых катастроф у него сделался разрыв сердца.

ШКОЛА ПРОВОКАТОРОВ

В начале войны полицейские власти в Праге по указанию из Вены решили, что нужен специальный курс политических дисциплин для повышения квалификации шпииков, чтобы они тем успешнее провоцировали чехов на крамольные

высказывания.

Выяснилось, что в этом отношении далеко не все филеры на высоте. Так, филер Завесский не знал, сколько политических партий в Чехии. Браун путал национальных социалистов с социал-демократами и, однажды, арестовав националиста, повел его, приговаривая:

-Я вас, социал-демократов, в бараний рог согну!

Фабер допустил такую же ошибку с анархистами и аграрниками. Он заявил задержанному анархисту:

- Мы вам, аграрникам, покажем, где раки зимуют!

Старый служака Сточес не знал, что такое "рескрипт". В полиции он не раз слышал, что это политически опасная вещь, и потому при ближайшем обыске у одного подозрительного субъекта изъял и представил начальству таинственный листок со словами: "Resorcini-0,5; Aqua destillata -300. Доктор Самоед".

Сверху было написано: "Рецепт". Бедняга-филер спутал его с рескриптом...

При покойном начальнике полиции Крщикове никто не заботился о том, чтобы, например, объяснить шпикам значение Белогорской битвы. А это важно: ведь за такие разговоры можно упечь в тюрьму немало людей. Начинается с разговора о Белой горе, а кончается скамьей подсудимых. Ясное дело!

Филера Когоута однажды, в дни ноябрьских собраний, послали в Бржевнов, дав ему две кроны на пиво и поручив спровоцировать кого-нибудь после собрания в Гражданском клубе на разговор о Белой горе. Агент вернулся ни с чем и доложил, что он спросил в трактире одного из гостей, показавшегося ему подозрительным, какого тот мнения о Белой горе. На это последовал ответ, что, мол, от Бржевнова до Белой горы всего три четверти часа ходьбы, а от Мотола - и того меньше.

Одним словом, в политике агенты были сущие младенцы, и не раз случалось, что они беспокоили начальство по совершеннейшим пустякам. Такой случай был со швейцаром нашего дома. Агент Браун забрал его за то, что в пятидесятилетний юбилей правления императора Франца-Иосифа он, будто бы сидя в кофейне, демонстративно рассуждал об Эдисоне и о битве при Ватерлоо. Агенту показалось это подозрительным. Ведя арестованного в полицию, он обратил его внимание на то, что сегодня такой знаменательный день.

- Уж не думаешь ли ты, продажная шкура, - накинулся на него швейцар,- что фонограф изобретен императором Францем-Иосифом? Это - изобретение Эдисона. Почитай вчерашнюю "Политику".

Шпик Фабер однажды донес на меня, что я в ресторане говорил о недостатке углекислоты в пиве, которое продается в Вене, в парламентском буфете. Я сказал:

- В Вене должны были бы знать, что пока в Австрии не войдут в обиход бомбы с углекислотой, никому и в рот не захочется взять это пиво.

Из этих небольших примеров видно, что сотрудники государственной полиции в Праге валили в одну кучу социал-демократов и националистов, бомбы, баллоны, рецепты и рескрипты, правящего монарха и изобретателя Эдисона, анархистов и аграрников и т. д. Все это, разумеется, вредно сказывалось на их работе.

Правда, и по этим донесениям людей сажали в тюрьму, но давалось это нелегко. Следственные чиновники прилагали все усилия к тому, чтобы арестованный по подозрению в крамольных речах не мог выпутаться, и часто добивались своего: ведь на допросах обычно человек нервничает, будь он сто раз невиновен. Его всегда можно запутать и спровоцировать на какое-нибудь недозволенное заявление. Но повторяю: для следственных властей это был

каторжный труд.

По этим-то причинам и была организована школа для провокаторов. Политически натасканный шпик не растеряется ни на каком чешском митинге. Он первый предложит антиавстрийскую резолюцию, а потом гаркнет, как это делал полицейский комиссар Хум: "Ага, голубчики, попались!"

Так возникла школа провокаторов в Праге. Там, разумеется, не вдавались в высокие материи, а выявляли и изучали те бунтарские чувства и замыслы, которые давно уже зреют в сердцах чешских граждан.

В полиции была отведена специальная комната для занятий и вывешено расписание:

"От 9 до 10. Изучение причин неизбежного развала Австро-Венгрии.

От 10 до 11. Почему чехам не следует воевать против русских и сербов?

От 11 до 12. Организация подпольных партий.

От 12 до 1 ч. Наиболее распространенные оскорбления монарха и членов императорского дома, а также другие предосудительные слова и выражения.

С 2 до 4. Общие основы провокаторского искусства и предварительное определение кары за недозволенные высказывания (в пределах от 2 до 15 лет тюрьмы)".

Эта прекрасная программа еще больше понравилась агентам, когда на учебные пособия им выдали по пятьдесят крон. Для самых тупоголовых агентов устроили дополнительные вечерние занятия. Словом, все было организовано наилучшим образом. Занятия шли полным ходом. Полицейские агенты усердно штудировали дома свои записи, используя для этого каждую свободную минуту.

В семье филера Брауна не знали, что и думать. Госпожа Браунова со слезами жаловалась соседям:

- Право, не знаю, похоже, что мой Браун совсем спятил. Целый вечер перечитывает какие-то листки и кричит: "Итак, господа, после трехсот лет рабства пришло время решительных действий! Монархия - истукан на глиняных ногах; достаточно толкнуть его, и он рассыплется..." Я говорю ему: "Ты с ума сошел, мы же останемся без хлеба". А он как поглядит на меня да как зыкнет: "Молчи, дура, не суйся в политику!" И снова бегает по комнате, заглядывает в свою бумажку и бормочет: "Хватит! Довольно мы молчали, со времен Белой горы и по сегодняшней день! Я стрелять в русских не буду. И в сербов тоже не буду. Надеюсь, и вы, сударь? Разрешите представиться..." Ну, я, известно, хожу и реву. А он ругается, что я ему заниматься мешаю. "Брось,-говору,-ты, Христа ради, все эти глупости, доведут они тебя до тюрьмы". А он опять свое: ничего, мол, ты не смейся. Приказал мне сесть против себя за стол, это будто бы он с кем-то в пивной разговаривает, И давай рассказывать мне, что наш все милостивейший император и вся его семья дегенераты... не то денатураты... уж и не помню. А потом вдруг как зашепчет: мы, мол, организуем тайное общество! Завтра соберемся здесь, и я вас научу, как взрывать поезда. Ладно? Придете? В таком случае разрешите представиться..."!

И так всю неделю. Право, не знаю, что мне с ним делать. Больше всего я боюсь за нашего Эмиля. Мальчик и заниматься бросил, глядя на отца. Глаз с него не сводит, когда тот ходит по комнате и ораторствует перед комодом о казни на Староместской площади.

В самом деле, Эмиль глаз не спускал с папаши. Речи отца ему очень нравились. Эмиль был славный мальчик и старательный первоклассник. Как сын сыщика он принадлежал к числу директорских любимчиков, сидящих в первом ряду. Товарищи презирали его, изводили и называли "штрейкбрехером". Они не допускали Эмиля, к участию в школьных политических спорах, которые во время войны стали еще оживленнее. Ему нечего было сказать, когда школьники, чьи

отцы были призваны в армию, рассказывали друг другу: "Папа, уезжая на фронт, сказал, что при первой же возможности перебежит к противнику".

Однажды австрийские войска взяли в плен три десятка сербов где-то на Драве, и официальные реляции трубили о грандиозной победе на сербском фронте. "Австрийские войска заняли Драву..."-гласили газетные заголовки. По этому случаю директор гимназии Кох, ярый австрияк, ходил по классам, произнося патриотические речи и провозглашая славу императору. Гимназисты были обрадованы и старались растянуть потеху, чтобы избавиться от уроков.

В первом классе, как и во всех остальных, директор разглагольствовал о том, что австрийская монархия сильна и могущественна, а следовательно, каждый патриот должен радоваться решению великого императора вступить в войну. Под конец он призвал учеников провозгласить троекратное "ура" "обожжаемому монарху".

Гимназисты заорали "ура", и только Эмиль Браун, сидевший у самой кафедры, не раскрывал невинных детских уст и не присоединялся к общему восторженному реву.

Директор подошел к нему.

- Почему ты молчишь, мальчик?

Безмятежно глядя на директора, Эмиль ответил:

- Потому что мы не признаем Франца-Иосифа своим государем. Нам, чехам, несладко живется под габсбургской державой. Так каждый вечер говорит мой папа. Кому же знать, как не ему, ведь он служит в полиции... А недавно к нам заходила госпожа Фаберова и рассказала маме, что мужу ее дали в полиции листок с речью насчет того, что "пора нам придушить австрийскую гидру". То же самое говорил и папаша, а мне он оелел изображать гостей в трактире и повторять за ним, что Габсбургская династия - просто шайка жуликов...

Спустя пять минут школьный привратник вел Эмиля к родителям. Папаша-полицейский, прочитав грозное письмо директора о подстрекательских речах своего сына, горько усмехнулся и воскликнул:

- Да, наша система оправдывает себя? Именем закона, Эмиль Браун, вы арестованы.

И, не обращая внимания на слезы жены, потащил сына в участок. На улице он все толкал его в шею и приговаривал:

- Мы вам, социалистам, зададим перцу!

Таковы были блестящие результаты специального политического курса для этих новоявленных Брутов, агентов австрийской полиции.

Расправившись с сыном, Браун вернулся домой и грозно уставился на супругу:

- Ты сознаешься, что считаешь членов правящей фамилии! дегенератами? Несчастливая кивнула головой.

- Именем закона вы арестованы, госпожа Браунова, - объявил достойный супруг, но поскольку это, как-никак, была его жена, он повез ее в участок та извозчике.

К вечеру Браун доставил туда же престарелую глухую тетку. Он подsunул ей письменное признание в том, что она состоит в тайном обществе, организовавшем Сараевское убийство.

Старушка с перепугу его подписала.

На следующий день в школе провокаторов были выпускные испытания, и Браун сдал их с отличием.

Эмиля, снисходя к его малолетству, суд приговорил к трем годам тюрьмы; мамашу Браунову, учитывая смягчающие вину обстоятельства, - к пяти годам, а глухая тетка получила восемь лет.

Но все это сущая мелочь по сравнению с теми результатами, какие принесла за три года войны политическая грамотность Брауна: несколько десятков чехов его стараниями заработали в совокупности тысячу двести лет тюрьмы.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Его высочество владетельный князь Оксенгаузен впал в слабоумие настолько явное, что это заметили даже его министры, которые и сами отнюдь не были титанами ума. Не станем рассказывать о том, как долго кабинет министров обсуждал этот вопрос, ходил, как говорится, вокруг да около, пока решился признать, что его высочество князя Аладара XXI постигло умственное расстройство, которое нельзя характеризовать иначе, как полным маразмом, и что он больше неспособен управлять княжеством. Только министр двора был в душе не согласен с этим заключением, но не стал возражать, опасаясь, как бы, коллеги, чего доброго, не объявили идиотом и его - в доказательствах не было бы недостатка, - и потому проголосовал вместе со всеми; решение было вынесено единогласно.

Для того чтобы установить регентство, нужно было эту догадку не сведущих в медицине лиц подкрепить свидетельством врача-специалиста. Премьер-министр взял на себя нелегкую миссию поговорить с придворным лейб-медиком его высочества. Вызвав медика к себе, он сказал:

- Дорогой господин медицинский советник, я пригласил вас, чтобы обсудить состояние здоровья его высочества. Мои коллеги того мнения, что несомненные и богатые душевные дарования нашего высокородного князя в последнее время...

- ...развиваются сверх всяких ожиданий?.. Вы совершенно правы, ваше превосходительство!..

- Вы угадали мою мысль, господин медицинский советник. Эти редкостные дарования его высочества развиваются не только сверх всяких ожиданий... но и в совершенно неожиданном направлении... гм... гм... Одним словом, все это просто поразительно. Вчера я имел честь сопровождать его высочество на прогулке. По дороге нам попались силки, расставленные птицеловом. Его высочество стал расспрашивать меня об их устройстве. Я объяснил ему, что птицы прилипают к веткам, намазанным клеем, и так попадают в руки птицелову. Его высочество со свойственной ему благосклонностью выслушал мои объяснения, а о потом соизволил осведомиться: "А что, если прилипнет сам птицелов? Тогда он попадет в лапки к птичкам?"

- Гени-аль-ная острота! Гениальная! - смеясь, воскликнул лейб-медик. - Вот видите, ваше превосходительство, его высочество становится все остроумней?

"Этот тип тоже впал в слабоумие", - подумал премьер-министр и не стал больше задерживать лейб-медика.

Неторопливо шагая восвояси, лейб-медик размышлял о том, что означает этот разговор. Премьер-министр как будто недоволен его ответом... Что же нужно премьеру? Лейб-медика вдруг осенило: да, да, несомненно! Эти люди замышляют что-то против его высочества. Они хотят, чтобы он, лейб-медик, дал неблагоприятное заключение о повелителе. Кто знает, что здесь готовится! А что, если после Турции и Португалии пришел черед и Оксенгаузену? И это министры его высочества! Но он, лейб-медик, раскроет их гнусный заговор. Он изобличит их!

На другой день лейб-медик узнал, что в Оксенгаузен прибыл из Берлина знаменитый невропатолог, профессор Гшейдтле, и был принят в личной аудиенции князем, а после этого имел долгую беседу с премьер-министром. Лейб-медик решил идти ва-банк. Он надел парадную форму и отправился с визитом к приезжей знаменитости.

- Как жаль, - сказал он после нескольких приветственных фраз, - что мы такому прискорбному обстоятельству обязаны знакомством с вами, уважаемый профессор. Профессор посмотрел на лейб-медика с удивлением, но потом сказал:

- Ах да, вы ведь личный врач его высочества и, конечно, в курсе событий. Поистине это весьма огорчительно. Но что поделаешь! Его высочество безнадежен. Я полагаю, что ваш и мой Диагноз совпадают: о выздоровлении не может быть и речи. Его высочество по воле божьей навсегда останется слабоумным. Править княжеством он, конечно, неспособен. Или вы иного мнения?

- О нет, отнюдь нет, уважаемый профессор, - ответил лейб-медик, у которого даже дыхание перехватило. - А как долго наша столица будет иметь честь видеть вас в своих стенах?

- Я уезжаю сегодня вечером, господин медицинский советник.

Но вечером профессор не уехал. Когда он уже садился в экипаж, кто-то положил ему руку на плечо и арестовал именем закона.

- За что? - недоумевал профессор,

- За оскорбление достоинства его княжеского высочества, которое вы допустили в разговоре с лейб-медиком. И бедняга профессор был посажен в тюрьму. Прокуратура, восхищенная своей распорядительностью, не скрывала случившегося от жителей города. Прокурор явился к министру юстиции с докладом. Когда он повторил злополучную фразу профессора о слабоумии князя, министр прервал его гневным возгласом:

- Скажи он это о вас и о лейб-медике, это была бы самая бесспорная истина в мире!

Прокурор вернулся от премьера в полном недоумении. Кабинет министров собрался на экстренное заседание и констатировал, что внутривластная обстановка сильно осложнилась.

- Не можем же мы на основании отзыва одного профессора отправить его высочество на покой, - сказал премьер. - Нужны заключения других ученых. Но если они признают, что князь здоров, то оскандалимся мы. Если же они решат, что его высочество - идиот, придется упечь в тюрьму другого осла - лейб-медика, а иначе весть о его диагнозе распространится по всей стране. Что же, спрашивается, делать?

- Надо избавиться от лейб-медика.

- Легко сказать. А как?

- Давайте посадим его в тюрьму, - предложил министр юстиции.

- За что?

- Вот еще! Уж если нам надо кого-нибудь посадить, повод всегда найдется.

- Вызовем его сюда.

- Это идея!

Но посланный вернулся ни с чем. Лейб-медик велел передать, что считает кабинет министров сборищем заговорщиков и государственных изменников и не желает с ними разговаривать. Министра юстиции это привело в восторг.

- Вот он и попался! - воскликнул он. - Этого мне и нужно! Разве не оскорбление его высочества - утверждать, будто князь может почтить своим доверием изменников и заговорщиков? В тот же день лейб-медик был посажен в тюрьму и даже оказался в камере по соседству с берлинским профессором.

Само собой разумеется, что эти два ареста стали величайшей сенсацией в столице. Кабинет министров развил бешеную деятельность: он разослал телеграфные приглашения различным медицинским светилам, которые могли бы дать заключение об умственных способностях Аладара XXI. Но светила, прочтя в газетах о том, что произошло в княжестве Оксенгаузен, воздержались от поездки, решив, что это попросту ловушка, чтобы заманить новых людей и арестовать их под предлогом оскорбления высочества.

Кабинет министров был в отчаянии, а князь день ото дня дурел. Прошла неделя. Его высочество уже нельзя было выпускать из тесного круга самых близких людей, ибо и постороннему стало бы ясно, в каком он состоянии.

Спустя две недели кабинет министров снова собрался обсудить положение. Министр иностранных дел доложил о безуспешных переговорах с заграничными медицинскими светилами, присовокупив, что таким путем ничего сделать не удастся. Премьер-министр подумал и сказал:

- А нужно ли, собственно, что-нибудь делать?

- То есть как так?

- Наш венценосный князь впал в слабоумие, это факт. Но этот факт уже не нов, а в княжестве все идет своим порядком. Разница лишь в том, что его высочество не занимается государственными делами. А разве так уж нужно, чтобы он занимался?

Никаких светил в Оксенгаузен больше не приглашали. Его высочества Аладар XXI остался князем Оксенгаузенским.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЯ

Одиноким пенсионер Блажей мирно благоденствовал у себя на даче, пока не наступили областные выборы. В небольшом провинциальном городке оказалась уйма кандидатов. Чтобы перечислить их всех, придется прибегнуть к алфавитному порядку: Адам, Билечек, Борек, Велиш, Ганс, Гумбал, Жмола, Зайчик, Клабура, Матушек, Обалка, Рыбный, Сикора, Танин, Укршинский, Филин, Хадера, Якеш.

Все эти кандидаты печатали свои воззвания и листовки, имели врагов и приверженцев и ожесточенно боролись за голоса. Когда началась избирательная кампания, звонок у дверей Блажея не переставал звонить. Приходили какие-то потрепанные личности, которых Блажей никогда в глаза не видел, и настойчиво предлагали одну из кандидатур. Некоторые говорили:

- Не подумайте, что я его друг-приятель и агитирую по знакомству.

Другой простодушно сообщал:

- Я от господина Жмолы, сударь. Уж вы подайте голос за него, он вам этого по гроб жизни не забудет.

Приходили люди, которые говорили:

- Окажите ваших милостей...

Другие, наоборот, изъяснялись вполне грамотно, не плевали на ковер и употребляли исключительно негативные обороты:

- На свете нет человека достойнее господина Выходила, не извольте голосовать ни за кого другого, сударь. Он человек весьма умеренный и скромный...

Другие кратко заверяли:

- Он просто ангел...

От большинства этих посетителей разило водкой; от тех, что посOLIDнее, - пивом; от самых представительных - мятным ликером.

В результате этих посещений из передней исчезли стоячая вешалка с одеждой и половичок, укрепленный на цепочке (вместе с цепочкой). Один из агитаторов, проходя по двору, захватил мимоходом курицу для своего кандидата.

Агитатор одного независимого кандидата был застигнут при попытке открыть платяной шкаф. Он объяснил, что спутал его с входной дверью, и перевел разговор на восхваление своего нанимателя.

Блажей был совсем подавлен этой бурной предвыборной деятельностью. Он понуро слонялся по комнатам и, услышав звонок, вздрагивал и спешил подкрепиться рюмкой коньяку. Однажды ему прислали по почте копченый окорок, а на другой день явился какой-то тип и залебезил:

- Изволили отведать ветчинки, сударь? Как масло! Тает на языке! А? Господин Хадера знает, как коптить ветчину. И вообще, человек он душевный, бескорыстный, патриот в полном смысле слова. За правду - горой! Теперь таких мало! Теперь всякий голодранец лезет в кандидаты. А господин Хадера выступает лишь затем, чтобы доказать, что все это пустословие ничего не стоит. Господин Хадера покажет, что лишь скромность, патриотизм и усердие... Еще через день Блажею прислали письмо и бочонок бархатного пива с соседней пивоварни: В письме говорилось:

"Уважаемый сосед! В эпоху разнообразных девизов позволю себе послать вам и свой девиз: "Пить, как пили чехи в старину, крепко блюсти отцовские обычаи и не давать себя в обиду".

Надеюсь, что вы, милостивый государь, не отдадите свой голос тем, кто хочет извести старый чешский дух".

Подпись гласила: "Независимый кандидат-пивовар Клабура". На бочонке была пометка: "Когда выпьете все, посылайте без церемоний за другим бочонком. Блюстителю старых чешских обычаев должны жить дружно".

Вскоре Блажей получил несколько анонимных писем и узнал из них, что кандидат Адам - вор. Билечек - бандит, Борек - мошенник, Велиш - шулер, Ганс - развратник, Гумбал - убийца, Жмола - хам и т. д., вплоть до буквы "я". Письма приходили целую неделю, и Блажей все чаще спускался в погреб подкрепиться пивом кандидата Клабуры.

В конце недели снова начались визиты. Эти посетители уже не просили, а требовали. Перепуганный Блажей, пожимая руки напористым соискателям, обещал свой голос пятерым из них, а оставшись наедине, с горя опять приналег на пиво. За месяц до выборов к нему явилась депутация вегетарианского кружка и предложила баллотироваться от их организации. В кружке целых двенадцать человек, и они очень популярны. Кружок будет его поддерживать, выберет почетным членом, и все это обойдется только в двести крон. Блажей напоил депутацию коньяком и выставил ее за дверь. С этого вечера у него начались головные боли, и перед сном он долго щипал себя за нос и твердил придушенным голосом: "Нос, носа, носу, нос, о носе, с носом..."

Утром он нашел на дверях пять разноцветных плакатов. Блажей прочел их, и ему вдруг захотелось мяукать. Помяукав с полчаса, он содрал плакаты и с жутким смехом повалился на кушетку. Через часок он выглянул на крыльцо и увидел, что дверь и вся передняя стена дома залеплены избирательными плакатами. Блажей уставился на них. В глазах у него зарябило и плакаты слились в какой-то необыкновенный цвет. Блажей стал подергивать плечами, прищелкивать пальцами и восклицать:

- Вкушайте манну небесную. Щелкает бич возмездия. Лисички-сестрички...

Потом заперся в комнате ж запрыгал через, кресла, причем ему казалось, что кто-то кричит в углу: "Крапиве мороз не страшен!".

Раздался звонок. Блажей побежал отворить. Кто-то сунул ему в руки разноцветные бумажки. Это были листовки. Блажей машинально поблагодарил и стал читать: "Твердо полагаясь на неутомимую энергию кандидата Обалки, мы убеждены, что только этот безупречный человек способен отстаивать наши интересы..."

Через четверть часа новый звонок - и снова листовки:

"Избиратели! Те из вас, которые сумеют полностью оценить энергию кандидата Танина, отдадут свои голоса только ему..."

Чтение прервал звонок. На этот раз зеленые листки: "Милостивый государь! Вы, безусловно, принадлежите к лучшим сынам нашей родины и желаете ей процветания. Деятелем, который неутомимо и упорно работает на этом поприще, является кандидат Укршинский..."

Блажей с ужасом обнаружил свою подпись на всех трех листовках. Его имя стояло в графе "Члены Клуба избирателей".

Разразившись судорожным смехом, он открыл клетку и выпустил канарейку в окно. Затем пятью выстрелами из револьвера изрешетил портрет своего бывшего шефа, приговаривая;

- Гей, на кичку, гип, гип, селям-алейкум, катись кувырком...

После этого Блажей свалился на пол и заснул. Чуть свет он вскочил и выглянул на улицу. Стены дома были сплошь залеплены плакатами. Через них тянулась намалеванная надпись "Голосуйте за Билечка. Клабура - жулик".

Блажей принялся танцевать. Он протанцевал три раза круг дома. Плакаты начали ему нравиться. Недолго думая, взял щетку, обмакнул ее в чернила и вывел крупными буквами на плакатах: "Здесь разрешается лепить плакаты". Затем оделся и отправился в город. Там он навестил кандидатов Якеша, Адама, Билечека, Клабуру, Матушека, Обалку, Хадеру, Укршинского, Велиша и заверил каждого, что будет голосовать только за него. По дороге Блажей зашел в муниципалитет и попросил включить в кандидатские списки своего покойного дедушку. Блажея весьма деликатно вывели из ратуши, поскольку кандидат муниципалитета рассчитывал на его голос, и объяснили, что это не совсем удобно.

Вернувшись домой, он страшно обрадовался, увидев, что плакаты кое-где наклеены даже на окна. И яростно оплевал те окна, где не было плакатов.

Под двери было подсунуто множество листовок и воззваний, "Не отдавайте свой голос тем, у кого нет громких лозунгов и заманчивых обещаний..." - говорилось в них. Это окончательно но взвинтило Блажея. Он принялся обнимать свою старую служанку и предлагать ей супружество. Затем уселся у дверей целый день ничего не ел, с отчаянно веселым лицом принимая листовки. К вечеру Блажей перечитал их все до единой, разделся догола, натянул трусики и с замирающим сердцем стал ждать утра. Утром он появился в таком виде на городском базаре, вопя истошным голосом:

- Адам, Билечек, Борек, Велиш, Ганс, Укршинсий, Филин, Хадера, Якеш!..

Это были имена кандидатов, которые довели его прискорбного состояния. Бог им простит...

Ярослав Гашек. БИОГРАФИЯ АМЕРИКАНЦА

OCR: GrafZero

[Origin: www.gashek.dem.ru](http://www.gashek.dem.ru) - Ярослав Гашек - лучшие рассказы

- Милый,- сказала мисс Мери Вильсону,- мы должны быть откровенны друг с другом. Ведь завтра мы станем мужем и женой. У каждого из нас есть свои недостатки. Давай расскажем друг другу всю свою жизнь.

- Мне начинать, не правда ли? - спросил Вильсон.

- Начни,- сказала мисс Мери,- но не умалчивай ни о чем.

- Ладно,- отозвался Вильсон. Он удобно растянулся в кресле и закурил сигару.

- Итак, я родился на ферме в Канаде. Мой отец был добряк и силач, дорогая Мери; он один ходил на медведя. В общем, добрейшей души человек. Мы мирно благоденствовали втроем, но когда мне исполнилось пять лет, отца посадили в тюрьму. Бедный папа зарабатывал, как мог. По всему краю до самых озер не было богача, который бы еще и сегодня не вспоминал банду папаши Вильсона. Мы грабили состоятельных фермеров и жили, ни в чем не нуждаясь. Помню, когда мне исполнилось четыре года, отец в день моего рождения взял меня на дело. Лучшего подарка он не мог бы придумать. В тот раз мы ограбили купца на берегу озера. "Через год опять пойдешь со мной, малыш",- пообещал папаша, но, увы, нашим мечтам не суждено было сбыться: бедный папаша получил десять лет.

Но отец и на суде не терял присутствия духа. Услышав приговор, он сказал: "Мистеры, от имени моих детей благодарю вас. Я тратил примерно два доллара в день. В году - 365 дней, следовательно, я потратил бы в год 730 долларов, а за десять лет - 7 300. Еще раз благодарю вас от имени моих детей за эти сэкономленные 7 300 долларов, гип, гип, ура!"

Хозяйство стала вести мать. Вскоре она решила переехать в город. Однако продать ферму оказалось трудновато. Мамаша запрашивала большие деньги, гораздо дороже, чем стоила ферма. Тогда мы поступили проще: застраховали ферму и потихоньку распродали всю движимость. Мне было в ту пору шесть лет. Мамаша позвала меня и сказала: "Сыночек, наш папа будет очень доволен, когда узнает, что в шесть лет ты такой умница. Хочешь посмотреть на большой огонь? Если, например, загорится наш дом и все остальное?"

"Конечно, маменька",- ответил я.

Мамаша продолжала:

"Помнишь, ты все просил дать тебе для игры коробку спичек? Вот тебе пять коробков, милый. Хочешь, походи в сарай и подожги солому. Только, смотри, никому не рассказывай, иначе папаша вернется из тюрьмы и застрелит тебя, как негра".

Я поджег ферму, и мы получили свыше шестидесяти тысяч долларов страховки. В награду мамаша купила мне библию в великолепном кожаном переплете. Каждый квадратный сантиметр кожи стоил доллар с четвертью, ибо это была кожа вождя индейского племени сиу. Впоследствии оказалось, что вождь живехонек и книготорговец попросту надул час.

В Нью-Йорке мамаша не сидела сложа руки. Эта энергичная женщина решила стать владелицей индейского цирка. В западных газетах было дано объявление о наборе в труппу обладающих хорошим голосом и приятной внешностью краснокожих. На объявление откликнулось около тридцати человек. Среди них был вождь племени сиу, тот самый, насчет которого нас обманул торговец библиями. Вождя звали Годадласко. Это была прямо находка. Мамаша души в нем не чаяла, и, когда мне исполнилось восемь лет, у меня уже было двое братишек - близнецы бронзового цвета.

Мать не могла сама кормить близнецов, потому что Годадласко не желал, чтобы они питались молоком француженки (как я уже говорил, она была из Канады), ибо французы застрелили несколько индейских повстанцев. Пришлось нанять кормилицу-негритянку. И вот отец моих новых братьев влюбился в эту негритянку. Когда мне было девять лет, он сбежал с ней на Запад, нарушив контракт с моей мамашей. Она, разумеется, подала на него в суд. Годадласко был арестован и на очной ставке с моей матерью оскорбил ее грубым ругательством. Она выхватила револьвер и застрелила его. Суд присяжных оправдал ее, и наш цирк стал фешенебельным местом, где собиралось лучшее общество Нью-Йорка и Бруклина. Входной билет стоил 50 центов. Главной достопримечательностью цирка был я, потому что во время суда над мамашей кричал:

"Если вы ее осудите, я перестреляю всех присяжных..."

- Ого! - сказала Мери - Вы мне нравитесь, Вильсон!

- Десяти лет я удрал из города, захватив из дому десять тысяч долларов и девятилетнюю возлюбленную. Мы отправились вверх по реке Гудзон и переходили от фермы к ферме, а иногда присаживались под деревом, чтобы обняться и сказать друг другу: "Дорогой!", "Дорогая!"

- О милый Вильсон! - восхищалась Мери.

-- Несколько парней,- продолжал Вильсон,- заметили, как я менял стодолларовую бумажку, напали на нас, отобрали все деньги и бросили нас в реку. Моя спутница утонула, потому что ее ударили по голове молотком. Я же, хоть мне тоже разбили голову, выплыл и к вечеру добрался до деревни, где стянул у приютившего меня пастора все его сбережения, и на ближайшей станции взял билет в Чикаго.

- Дайте мне вашу руку, Вильсон,- прошептала мисс Мери.- Ах, как я счастлива, что вы будете моим мужем!

- После этого,- повествовал Вильсон,- я мог рассчитывать только на самого себя. Десяти лет я стал чистильщиком сапог. О таких карьерах, вы, конечно, слышали. В Европе всегда, когда речь заходит о знаменитом американце, говорят: "Он был чистильщиком сапог". Итак, в одиннадцать и двенадцать лет я - чистильщик сапог, а в тринадцать - уже предстаю перед судом присяжных за то, что выстрелом тяжело ранил своего соперника в любви. Та, из-за которой это произошло, ежедневно чистила у меня туфли. Ей было двенадцать лет. Чистильщик с другого угла, на год старше меня, тоже влюбился в нее и, чтобы досадить мне, снизил цену за чистку туфель на один цент. Моя клиентка, натура практическая, стала пользоваться услугами конкурента, чтобы сэкономить цент. Тогда я купил револьвер (тот, с которым я с восьми лет не расставался, уже не внушал мне доверия) и тяжело ранил соперника. Отправить его на тот свет мне, увы, не удалось...- Вильсон вздохнул И добавил: - Заклинаю вас, Мери, никогда не пользуйтесь револьверами системы Грайн.

На суде выяснилось мое имя и то, что я три года назад бежал из дому. Я стал героем дня. Газеты заявляли, что если даже меня осудят, публика вправе в таком исключительном случае, как мой, освободить осужденного и избить господ присяжных заседателей. Я сам произнес защитительную речь, закончив ее словами: "Граждане, с ваших губ, быть может, уже готово сорваться слово "да". Отлично, стало быть, я буду осужден. Граждане, с ваших губ, быть может, готово сорваться слово "нет". Отлично, стало быть, я буду оправдан..."

Мое хладнокровие поразило всех. В результате я был оправдан, и все присяжные заседатели стали чистить обувь только у меня.

Один чикагский издатель выпустил открытки с моим портретом, а известный

миллионер, которому некуда было девать деньги, решил усыновить меня. Я переехал к нему. Но я слишком привык к свободе и не позволял ему читать мне нотации. Это так огорчило моего приемного отца, что его хватил удар.

Я же собрал все, что мог увезти с собой, и уехал в Сан-Франциско. Там я вымазал себе физиономию охрой, нацепил косу и поступил китайцем в кафешантан. Меня рекламировали как единственного китайца в США, умеющего петь американские песенки. К сожалению, я был скоро разоблачен настоящим китайцем, который после представления при всей публике обратился ко мне по-китайски. Он так избил меня, что я полгода провалялся в больнице. Выписавшись оттуда, я поступил на корабль. Это было вполне солидное торговое судно: оно занималось контрабандой. Когда таможенники взорвали его динамитом, я вместе со всеми взлетел на воздух, но упал очень удачно: рыбаки вытащили меня из воды, высадили на берег, и я очутился на мели, увы, к сожалению, и в переносном смысле.

К этому времени мне исполнилось пятнадцать лет. На ферме, куда я нанялся пастухом, было большое стадо. Город находился всего в пяти часах ходьбы, и мне не стоило труда пригнать туда сто двадцать голов скота и распродать его мясоторговцам. С этими деньгами я отправился на восток.

- Дорогой Вильсон,- восхищалась Мери,- именно за такого смельчака я мечтала выйти!

- Я торговал оружием,- продолжал Вильсон,- продавал индейцам спиртные напитки, библии и псалтыри. В семнадцать лет я сделался проповедником популярной среди индейцев секты, и мои прихожане по моему повелению оскальпировали проповедника другой секты, который осмелился конкурировать со мной в продаже виски.

- Превосходно, Вильсон!

- Затем я менял профессии, как перчатки, убил пять человек в драках..."

- Пять человек,- просияла Мери,- вы изумительны!

- ...Ограбил два банка, Мери,- нежно закончил Вильсон,- и наконец стал совладельцем банкирской конторы Вильсон и К° и женихом прекрасной Мери Овэй, обладательницы двух миллионов долларов в облигациях государственной ренты. А теперь ваша очередь, дорогая.

- Что я могу рассказать? - сказала мисс Мери.- Только то, что я всегда была богата и богата сейчас. Моя жизнь текла безмятежно. Я мечтала о таком муже, как вы, не заурядном, как все остальные. И вы появились, о Вильсон! Дайте мне руку, дорогой, я полюбила вас с первого взгляда.

Они говорили еще несколько минут, и Вильсон удалился со словами:

- Итак, до завтра, дорогая Мери. В одиннадцать часов - экипаж, церковь, пастор, и мы будем соединены навеки.

- Ах, какой выдающийся человек! - вздохнула мисс Мери после его ухода.-Какой замечательный мужчина! С ним жизнь не покажется пресной. Но что это за книгу он оставил? Наверное, выпала у него из кармана.

Мери с уважением подняла книгу, открыла ее и прочла заглавие:

"Искусство обхождения с молодыми женщинами и сердечного успеха у них".

- Гм... - разочарованно произнесла она и, перелистав книгу, увидела подчеркнутую фразу: "На романтическую болтовню поддается всякая..."

Наутро Вильсон получил длинную телеграмму: "Обманщик! Я навела о вас справки. Вы не совершали всех тех замечательных поступков, о которых рассказывали, вы никого не убили и не ограбили, вы просто заурядный сын заурядного Чарльза Вильсона, честного американского гражданина. А я-то так хорошо о вас думала! Между нами все кончено, не показывайтесь больше мне на глаза".

Ярослав Гашек. ПОХЛЕБКА ДЛЯ БЕДНЫХ ДЕТЕЙ

OCR: GrafZero

[Origin: www.gashek.dem.ru](http://www.gashek.dem.ru) - Ярослав Гашек - лучшие рассказы

Князь Роберт был очень гуманный человек. Однажды ему вздумалось учредить "Тарелку супа" для бедных детей соседней деревушки. Не считаясь с расходами, князь велел выстроить специальный павильон и выписал из Вены походную кухню.

Когда кухня прибыла, княгиня чуть не на коленях упрашивала мужа бросить эту затею. Но князь был непоколебим.

- Молчите, княгиня!-заявил он. - Я сам сварю картофельную похлебку для этих оборвышей.

Брат княгини граф Манхард тоже пытался отговорить шурина, доказывая, сколь мало подобает стряпня такой сиятельной особе, но князь раскричался и заявил, что сам займется этим делом, а с тем, кто станет ему перечить, расправится по-свойски. Из чего следует, что князь Роберт был не только весьма гуманный, но и весьма вспыльчивый человек.

И вот в один прекрасный день павильон и кухня были разукрашены гирляндами из хвои, флажками и двухцветными ленточками, а на дверях повешена надпись: "Возблагодарим всевышнего!". Дворецкий, облаченный во фрак и цилиндр, стоял у котла и подкладывал дрова, ибо так хотел князь Роберт.

Сам князь с нетерпением поглядывал в окно. Когда дворецкий снимет свой цилиндр, это будет означать, что вода закипела и его сиятельству пора идти чистить картошку. Это тоже было предусмотрено программой князя.

И вот наконец он вышел из замка и, исполненный величия, направился к павильону с походной кухней. Детишки от нечего делать ковыряли в носу, и староста заработал кулаками, чтобы внушить им должное уважение к князю.

Староста знал толк в церемониях. Он дал знак школьникам, чтобы они кричали "ура" князю, удостоверился беглым взглядом, все ли они умыты, и мигнул деревенскому стражнику Пазуреку. Пазурек запалил фитиль у одной мортиры и опрометью бросился к другой. Грянули два выстрела, и князь поспешил выбраться из густых облаков дыма. Дети оглушительно орали. Князь милостиво махнул им рукой и уселся перед походной кухней. Два лакея подали ему картофелину. Князь взял ее руками в белых перчатках, очистил и бросил в кипящую воду. Радостный рев ребят потряс воздух. (Впрочем, они уже слегка охрипли.) Его сиятельство начал чистить другую картофелину. Вот и она полетела в котел. Снова радостный детский рев. Князь Роберт встал и заговорил:

- Это, деточки... вам есть большой радость. Вы кушайте супик и радоваться, что я вас сам варить... Не забывайте, что я для вас как родной мать... что я вас... сам варить...

Дружный вопль ребят приветствовал столь изысканное красноречие.

- Это есть сегодня исторический событий, что я сам варить, - величественно продолжал князь, - кушайте, детки, делайте ам-ам... из этой ошень вкусный похлебка. Я, ваш повар, сам чистить картошка. Молите же меня

за бога...

Затем каждый из двадцати трех школьников получил от его сиятельства по кроне, а старосте князь пожаловал испачканные перчатки, сняв их с рук со словами:

- Вот и вам, почтенный, на память о моя первая похлебка. Молите же и вы меня за бога.

Тут дородный фореитор подвел князю коня, и его сиятельство отправился на прогулку в свой охотничий заповедник, а лакеи и камергер с важным видом удалились в замок.

Староста сунул перчатки в карман, поглядел на своих оборванных питомцев, потом на деревенского стражника Пазурека, снова извлек из кармана перчатки и опять с недоумением уставился на них и наконец обратился к деревенскому старшине Вержине:

- Ну, хорошо, а кто доварит похлебку для этих голодранцев?

- Пазурек и дети дочистят картошку,- изрек тот.

- Пазурек, поручаю вам доварить похлебку. А вы, девочки, чистите картошку.

И они ушли, оставив ребят на попечении стражника. Жара была невыносимая, и стражник, сердито выпучив глаза, накинулся на ребят:

- Я вам задам, голодранцы, ходить на даровые обеды.

Однако делать было нечего, и он, закуриив трубку, со сноровкой старого солдата стал готовить заправку для похлебки. Тем временем девочки начистили картошки, и Пазурек стал помешивать в котле, утирая рукавом пот со лба.

Вдруг его осенила замечательная мысль. Он остановился, поглядел на мальчиков, которые возились на лужайке перед павильоном, и крикнул:

- Карел Малина, поди-ка сюда!

Не чуя близкой беды, Карел предстал перед Пазуреком.

- Ты, распроклятый мальчишка! - закричал на него Пазурек.- Что ты вчера делал в орешнике? Не знаешь, что ли, что за это полагается штраф? Давай-ка мне твою крону да позови сюда своего брата Пепика. Пепик, распроклятый мальчишка, твоему брату Карелу грозит кутузка за кражу орехов. Ты получил крону от князя. Давай-ка ее сюда! И благодарите бога, поганцы, что он послал вам доброго князя. Кто бы стал платить за вас штраф, шантрапа? Две кроны -это как раз то, что нужно. А если другой раз попадетесь мне в орешнике,- запру в сарай, спущу штанишки да всыплю горячих. Воровать, дети, грешно! Ну, на этот раз я вас, так и быть, прощаю. Пусть Пепик сбегает мне за водкой, а Карел будет мешать похлебку.

Пазурек удобно расположился на траве. Вскоре Пепик прибежал с водкой. Пазурек основательно приложился к ней, собрал вокруг себя детей и произнес проникновенную речь об уважении к начальству.

- Ибо оно от самого господа бога, слышите, мелюзга?

И послал за второй бутылкой водки.

Солнце пекло вовсю, и Пазурек, сняв высокие сапоги, завалился спать и скоро захрапел. Ребята, в ожидании сиятельной похлебки, принялись играть в разбойники. Вскоре они умчались в лес, и голоса их замерли вдали.

В полдень князь возвратился с прогулки. Взгляд его упал на брошенную кухню и опустевший павильон. Из котла валил густой пар, и слышалось аппетитное бульканье похлебки. Впрочем, подойдя ближе, князь увидел, что в котле варились... сапоги стражника Пазурека. Князь разбудил его увесистым пинком, ибо его сиятельство был не только весьма гуманный, но и весьма вспыльчивый человек.

А с косогора, спрятавшись за кустами, братья Малина, хихикая, созерцали

забавное зрелище. Они чувствовали себя, как художники, чье произведение удостоено первой премии. Это зрелище вознаградило их за потерю двух крон.

Его сиятельство сразу охладел к "Тарелке супа" и приказал разобрать красивый павильон. Его шурин граф Манхард (тоже весьма гуманный человек) встретил как-то в лесу стражника Пазурека и стал расспрашивать, как они варили свою первую и последнюю похлебку.

- Ах, ваше сиятельство, - простодушно признался Пазурек. - Это было ужасно. Такая вонища стояла, - хоть святых выноси...